

Семинар «Институты развития на российском Дальнем Востоке»

Редакцией «Ойкумень» ежегодно организуются научные и научно-методические семинары, посвященные актуальным для регионоведческих исследований темам. Очередной такой семинар, проведенный журналом совместно с Дальневосточным федеральным университетом и состоявшийся 20 ноября 2015 г. в кампусе ДВФУ, был посвящен создаваемым в последнее время на Дальнем Востоке России «институтам развития». К числу последних обычно относят территории опережающего развития (ТОРы), свободный порт «Владивосток», а также ряд специализированных государственных ведомств и финансовых учреждений (Минвостокразвития, Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке, Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона, инвестиционные агентства при региональных администрациях и т.д.). Семинар был призван прояснить и уточнить содержание термина «институт развития», в особенности применительно к российскому Дальнему Востоку, выявить основные цели и вероятные последствия создания «институтов развития» в регионе, и обозначить возможные подходы к их изучению.

Непосредственное участие в работе семинара приняли к.и.н, доцент Я.А. Барбенко (ДВФУ), к.полит.н., доцент А.В. Губин (ДВФУ), к.и.н., научный сотрудник С.А. Иванов (Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН), к.полит.н., доцент Л.Е. Козлов (ДВФУ), мл. научный сотрудник Г.В. Кондратенко (Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН), ст. преподаватель А.О. Левушкина (ДВФУ) и д.э.н., директор Центра Азиатско-тихоокеанских исследований Н.П. Рыжова (ДВФУ). Модератором дискуссии выступил к.полит.н., зам. директора ВИ-ШРМИ ДВФУ по науке А.Л. Лукин.

В основу семинара были положены два представляющие разные варианты постановки обсуждаемой проблемы доклада, подготовленные С.А. Ивановым и А.О. Левушкиной. Мы публикуем предоставленные авторами тексты докладов и сокращенную стенограмму дискуссии.

Лукин А.Л.: Здравствуйте, уважаемые коллеги! Позвольте сказать несколько вводных слов. Словосочетание «институты развития» для нашего слуха несколько ново. Возможно, что оно более знакомо для экономистов, но в поле зрения тех, кто занимается политическими проблемами, это понятие попало не так давно. И попало оно потому, что этот концепт стали активно употреблять применительно к ситуации на Дальнем Востоке. Территории опережающего развития, свободный порт Владивосток, разного рода агентства по развитию и привлечению человеческого капитала – все это обозначают понятием «институты развития». Мы сегодня поговорим о том, возможно ли все эти феномены, все эти институции объединять в одну категорию. Есть ли что-то общее между территориями опережающего развития, свободным портом и всем остальным, что сегодня мы наблюдаем.

Сегодня институты развития стали основным инструментом государственной политики по отношению к российскому Дальнему Востоку и именно на них возлагают надежды. Мы планируем, что этот семинар станет первым, но не последним, и мы еще будем обращаться к этой теме. Во-первых, потому что существует сама проблема. Во-вторых, в нашем университете этой проблемой занимается ряд исследователей, включая аспирантов и соискателей, которые избрали эту тему для своих кандидатских диссертаций. В-третьих, на эту тему есть своего рода социальный и политический заказ. На этом позвольте завершить свою краткую речь и передать слово первому из наших докладчиков.

Иванов С. А. (доклад «Истоки и эффективность институтов развития»): В 2015 г. на Дальнем Востоке России появились первые территории опережающего развития и Свободный порт Владивосток. В силу того, что пока рано говорить об эффективности этих институтов развития, к тому же крайне сложно разобраться в медийном потоке со-

общений о новых послаблениях для бизнеса, высоком интересе потенциальных инвесторов, заявлениях высоких чиновников об успешности или, наоборот, низкой эффективности, при одновременно редком упоминании реально реализуемых проектов. В настоящее время для научного сообщества Дальнего Востока важнее теоретически осмыслить новые инициативы Москвы и региональных властей.

Основные характеристики современных институтов развития

Современные институты развития (ИР) широко применяются по всему миру с 1960-х гг., хотя, безусловно, государства использовали их и до этого периода, например, первая особая экономическая зона (ОЭЗ) была создана в Нью-Йорке в 1936 г. Нередко исследователи углубляются еще дальше в историю, находя прообразы современных ОЭЗ в порто-франко или открытых городах. К таким историческим аналогиям надо относиться крайне осторожно.

Современные ИР использовались как развитыми, так и развивающимися странами. Модели и конкретные задачи институтов развития достаточно разнообразны. Типологически можно выделить территориальные ИР, определяющие эксклюзивные правила хозяйственной деятельности на ограниченной территории государства (различные виды особых экономических зон), отраслевые/секторальные ИР, предоставляющие преференции для определенных сфер экономической деятельности на всей территории государства, и функциональные (бюрократические) ИР, предполагающие активное участие специальных межведомственных или общественных некоммерческих структур во взаимодействии бизнеса с государственными органами (например, Инвестиционное агентство Приморского края). Несмотря на разнообразие моделей и решаемых задач, их объединяет общая идея – приоритетное развитие определенной сферы хозяйственных отношений или территории посредством их выделения из общенациональной системы правил, регулирующих и ограничивающих хозяйственную деятельность. ИР всегда направлены на дерегулирование экономической жизни и внедрение рыночных свобод.

Почему государства применяют ИР?

Прежде всего, стоит сделать одно уточнение, которое нередко забывается при анализе ИР. ИР – это продукт деятельности субъектов, принадлежащих политическим и бюрократическим полям, и напрямую не связаны с волей хозяйствующих субъектов, часть которых являются лишь бенефициарами преференциальных практик.

Возвращаясь к вопросу раздела, мы должны в целом понять, почему государства самостоятельно стремятся провести дерегулирование и либерализацию в ограниченном секторе экономике и территории. Наверное, самый напрашивающийся ответ проистекает из рациональной научной традиции, основанной на либеральных ценностях: государство будучи рациональным субъектом стремится ускорить рост национальной экономики в целях увеличения своей фискальной базы в будущем. Такой подход сильно упрощает политическую действительность, т.к. в Китае и Индии важную роль в продвижении ОЭЗ играли местные правительства, преследующие исключительно локальные интересы.

Одновременно очень важно понимать, что в рамках доминирующей нелиберальной идеологии существует представление о благом влиянии ОЭЗ на национальное/региональное развитие. Оно особенно сильно в отношении развивающихся стран.

Другой ответ на вопрос о целях создания ОЭЗ предполагает теория зависимости. Она утверждает, что ОЭЗ – порождение порочной системы мирового разделения труда, в рамках которой государства мирового

ядра вынуждают развивающиеся страны максимально открывать свой рынок для капитала и товаров.

Важно еще помнить, что наиболее успешно ОЭЗ проявили себя в «государствах развития» Восточной Азии (developmental state). Последних отличала особая форма отношений государства и бизнеса, сочетающая элементы авторитарной технократии (социалистических методов хозяйствования) и свободного рынка. Таким странам удалось обеспечить ускоренное развитие отдельных отраслей и накопление капитала, поэтому в экспертном и политическом сообществе многих стран с развивающейся или транзитной экономикой в настоящее время сильны представления, что восточноазиатский опыт, включая деятельность по созданию ИР, следует эмулировать.

Две ключевых проблемы при изучении эффективности и устойчивости ИР

Если мы будем говорить о территориальных и секторальных ИР, то обычно эффективность их экономического развития изучается посредством статистического анализа динамики локального валового продукта, иностранных инвестиций и внешней торговли. Однако прежде чем проводить такой анализ следует понять природу развития привилегированных секторов экономики или ОЭЗ. Когда проводятся количественные исследования, по умолчанию считается, что предприятия растут там естественным образом, хотя, очевидно, значительная часть этого роста связана с перераспределением капитала в рамках национального/мирового пространства.

Вторая важная проблема территориальных и секторальных ИР заключается в их политико-правовой устойчивости. Любой ИР – привилегия для избранных, но одновременно – дискриминация большинства. Соответственно усиливается давление с мест/ведомств по предоставлению схожих преференций другим, что размывает саму идею эксклюзивности ИР. Такая ситуация наблюдалась в России в начале 1990-х гг. Она была характерна и для Китая, где четырех ОЭЗ в 1980 г. количество различных территориальных ИР в стране выросло до 5 тысяч к середине 2003 г.

Заключение

Современные институты развития необходимо очень осторожно помещать в исторический контекст. Они, безусловно, являются продуктом неолиберальной идеологии, но причины их учреждения в каждой конкретной стране и случае, очевидно, сильно отличаются. Это может быть реакция на давление международных финансовых институтов, субнациональных правительств или просто вера в эффективность ИР при решении задач ускорения национальной/региональной экономики.

Много подводных камней лежит на пути изучения эффективности ИР. ОЭЗ и прочие преференциальные режимы способны перераспределять капитал в свою пользу, в результате чего ограниченная часть территории/экономики страны «выигрывает», но остальная – в лучшем случае ничего не теряет, в худшем – является донором привилегированных зон/отраслей.

Губин А.В.: Если позволите, то я бы обратил внимание на следующие моменты. В ваших графиках по инвестициям в свободные экономические зоны Китая указано, что большая доля инвестиций приходится на государственные китайские компании, но в какой-то период практически равная доля инвестирования поступала от хуацяо (зарубежная китайская диаспора), а затем она резко уменьшилась. Мне интересна данная тенденция. С чем она связана? Может быть под хуацяо имеются ввиду китайские компании из офшоров?

Иванов С. А.: Эта тенденция была связана с преференциями, которые предоставляло китайское правительство для своих бывших соотечественников. Насколько велики были эти преференции, я не могу сказать, так как специально не занимался изучением данного вопроса.

Губин А.В.: Получается интересный прецедент. Китаю можно не привлекать иностранные инвестиции в чистом виде, а сделать ставку на те же государственные компании или компании бывших соотечественников? Насколько хуацяо сегодня составляют значимую экономическую силу? Насколько сегодня этнические китайцы готовы инвестировать в экономику КНР?

Иванов С. А.: Китайская официальная идеология говорит, что наша нация настолько сплоченная, что даже хуацяо активно откликнулись на призыв родины и начали инвестировать в экономику Китая. Насколько представителен данный пример? Скорее нет, чем да. Перенести его на российскую почву вряд ли получится. Что же касается оценки природы инвестиций, поступивших в китайскую экономику, в китайские свободные экономические зоны, то данный вопрос остается остро дискуссионным. По оценке экспертов, от 40 до 60% всех пришедших инвестиций из Гонконга или Сингапура – это реинвестиции китайских материковых компаний. На данный аспект в начале 1990-х годов обращал внимание Всемирный банк, выпустивший специальный доклад по этому поводу. Компании с государственным участием через иностранные резиденции вводили капиталы на материк и, имея статус иностранного инвестора, получали соответствующие преференции. В 1993 году вице-премьер КНР Чжу Жун Ци признал подобную практику, и расписался в том, что центральное правительство ничего не может сделать, так как эти псевдо-инвесторы действуют в рамках правового поля.

Губин А.В.: Можно ли сказать, что это никакая не национальная мобилизация, а банальная экономическая выгода?

Иванов С.А.: Конечно. Это банальная экономическая выгода, как для государственных компаний, так и для хуацяо.

Лукин А.Л.: Позвольте передать слово следующему докладчику.

Левушкина А.О. (доклад «Функциональны ли институты развития в Приморском крае?»): В последние десятилетия российское государство находится в поиске новых инструментов многоконтурного управления развитием периферии, нового баланса полномочий, который обеспечит эффективное функционирование и наращивание экономической мощи регионов. В ситуации высокой неопределенности в современной мировой политико-экономической системе и растущих вызовов глобальной конкуренции управленческие решения должны иметь новаторский характер. В этих условиях появляются и эволюционируют институты развития. В России они начали появляться во второй половине 2000-х. Спустя почти пятнадцать лет после появления институтов развития научное сообщество все еще обсуждает их роль в модернизационном процессе, а не отмечает выдающиеся результаты, достигнутые в ходе их деятельности, и этот факт говорит о том, что с возложенной на них задачей институты не справились. Однако отказываться от идеи внедрения институтов развития пока преждевременно. Во-первых, они поддерживают стратегически важные отрасли, а во-вторых – стратегически важные территории. Сложившаяся в России модель экономики не поощряет развитие обрабатывающих производств. Инвестиции осуществляются по рыночному принципу, и наиболее рентабельны инвестиции в сырьевую отрасль. Развивать обрабатывающую промышленность и инновационный потенциал не в интересах инвестора. Институты развития становятся тем самым политическим решением, которое позволяет пере-

распределить средства между отраслями и создать специальные условия для стратегически важных направлений и территорий.

Согласно определению Министерства экономического развития РФ, институты развития – это один из инструментов государственной политики, стимулирующий инновационные процессы и развитие инфраструктуры с использованием механизмов государственно-частного партнерства. Основная их цель – преодоление так называемых «провалов рынка», которые образовались вследствие действия рыночных механизмов и не могут быть нивелированы без применения специальных регулирующих средств. Результатами функционирования институтов развития должны стать устойчивый экономический рост и диверсификация экономики. Зона их дислокации – приоритетные отрасли экономики, где они играют каталитическую роль в привлечении частных инвестиций и создании необходимой для обеспечения функционирования предприятий инфраструктуры.

Крупнейшие институты развития на сегодняшний день – это Внешэкономбанк, ГК «РоснаноТех», ОАО «Российская венчурная компания», ГК «Фонд содействия реформированию ЖКХ». Они финансируют бизнес-проекты, занимаются софинансированием НИОКР и оказывают инфраструктурную поддержку. Основные направления деятельности институтов развития, выделенные Минэкономразвития, – поддержка малого и среднего бизнеса, реализация инновационного потенциала, ликвидация технологического отставания и устранение региональных дисбалансов развития (главным образом, поддерживая проекты в области транспортной инфраструктуры, ЖКХ, энергетики).

Институты развития можно разделить на финансовые и нефинансовые. Финансовые занимаются непосредственно финансированием и привлечением инвестиций, а нефинансовые создают условия для этого.

Спектр институтов развития достаточно широк – это универсальные и отраслевые банки развития; экспортно-импортные банки; страховые агентства; лизинговые, кредитные и инвестиционные фонды и агентства; инновационные и венчурные фонды; агентства по развитию стратегических технологий; фонды регионального развития; агентства ипотечного кредитования; особые экономические зоны – промышленно-производственные, технико-внедренческие, туристско-рекреационные, портовые; технополисы, технопарки и промышленные парки; бизнес-инкубаторы; субконтрактационные и экспертно-аналитические центры; центры развития дизайна и энергосбережения. В стадии становления находятся новые институты развития – территории опережающего социально-экономического развития и свободные порты.

Асимметрия совокупных потенциалов территорий Российской Федерации определяет диверсифицированный характер институтов развития. Помимо федеральных, существуют и региональные институты, которые действуют точно в каждом регионе. Их цель – «закрыть» конкретные проблемные зоны, свойственные региону. Например, в Приморском крае это Совет по привлечению инвестиций в экономику Приморского края при губернаторе Приморского края, Инвестиционное агентство Приморского края, Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов в ДФО, Общественный экспертный совет по экономической политике в Приморском крае, Общественный экспертный совет по тарифам Приморского края.

Для политологов наиболее интересны нефинансовые институты развития. В частности, исследуя деятельность институтов развития в Приморском крае, можно выделить общие черты, свидетельствующие об изменении их предполагаемого функционала:

1. Непрозрачность. Процедура принятия решений о выборе объектов инвестирования непрозрачна, требует от кандидатов чрезмерного объема документации. При одних и тех же параметрах кандидатов наблюдается некоторая избирательность. Так, Наблюдательный совет свободного порта Владивосток (СПВ) уже принял балльную систему для оценки документации кандидатов на получение статуса резидента, но она до сих пор не опубликована. Методика оценки инвестиционных проектов особых экономических зон и территорий опережающего социально-экономического развития, по замечаниям Счетной палаты РФ, также требует уточнения.

2. Недостаточность нормативного регулирования. При том, что институты развития уже функционируют, нет необходимых подзаконных актов для обеспечения их деятельности. Например, закон о свободном порте не проясняет доподлинно функции Наблюдательного совета, насколько его решения обязательны для исполнения резидентами, не разграничивает с достаточной четкостью полномочия Уполномоченного Федерального органа и Наблюдательного совета, в то время как последний уже собирается на заседания и принимает решения. До сих пор нет нормативных документов и методических указаний по оформлению товаров согласно процедуре свободной таможенной зоны. Особый визовый режим вступит в силу в следующем году, в то время как процедуры еще не проработаны и нет материального обеспечения деятельности миграционной службы.

3. Необоснованность использования средств. Согласно отчетам Счетной палаты, управляющие компании особых экономических зон не в полной мере руководствуются принципами достаточности, экономичности и результативности, допуская необоснованное завышение объемов инвестиций из федерального бюджета и нецелевое использование средств уставного капитала. Согласно заключению Минэкономразвития об оценке регулирующего воздействия федеральных законов о свободном порте и территориях опережающего социально-экономического развития, оба закона содержат положения, приводящие к возникновению необоснованных расходов физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Институты развития получают значительные государственные средства и призваны привлекать частные инвестиции, но управление этими средствами неэффективно.

4. Несоответствие реализуемых проектов направлениям деятельности институтов развития. Во-первых, исходя из определенных Минэкономразвития направлений деятельности, институты развития должны поддерживать малый и средний бизнес. Во-вторых, ликвидировать технологическое отставание и региональные дисбалансы развития. В-третьих, институты развития призваны реализовать инновационный потенциал. Все три направления, особенно последнее, остаются проблемным полем институтов развития в Приморье.

5. Анализируя реально существующие в России институты развития, мы должны понимать, что их деятельность будет эффективна – по критериям, официально провозглашенным органами государственной власти, – только в случае эффективной деятельности политических институтов вообще, поскольку институты развития, по сути, это продолжение политических институтов. В условиях коррупции и бюрократизации государственного аппарата институты развития будут испытывать те же негативные эффекты, и их функционал будет претерпевать значительные искажения.

Барбенко Я.А.: Мне показалось, что недостатки функционирования институтов развития, о которых вы говорили, по сути, делают их не работоспособными. Одним из последних примеров была названа низкая пропускная способность. Если на территории развития нельзя оперативно завести необходимые материальные ресурсы, то они не будут выполнять своей функции. На каком основании вы говорите, что они функционируют?

Левушкина А.О.: Согласно закону, они функционируют. Что касается пропускной способности владивостокских портов, то увеличить эту пропускную способность в короткие сроки весьма проблематично. Я не специалист по логистике и не могу компетентно ответить на вопрос о технических возможностях реконструкции портовых сооружений Владивостока.

Барбенко Я.А.: Я бы тогда предложил такую терминологическую тонкость: они учреждены, но не функционируют.

Лукин А.Л.: Закон есть, но институты еще не заработали так, как они должны работать.

Козлов Л.Е.: У меня уточняющий вопрос. Мы сегодня рассматриваем проблему, формально говоря, в рамках специальности 05 (политическая регионалистика) или 02 (политические институты и процессы)? Бы, мне кажется, рассматриваете эту проблему скорее в рамках регионалистики.

Лукин А.Л.: Это принципиально важно, по какому шифру?

Иванов С. А.: Принципиально то, что нас интересуют политические институты. Есть ли в институтах развития что-то новаторское по сравнению с прошлыми или обычными политическими институтами?

Лукин А.Л.: То есть, это вопрос методологии?

Левушкина А.О.: Данная тема для меня совершенно новая, и в этой связи мне интересны разные аспекты реализации проектов территорий опережающего развития как институтов.

Козлов Л.Е.: Вопрос в том, что мы ведем дискуссию в рамках политической регионалистики, однако диссертационных советов по этой специальности нет.

Левушкина А.О.: Я соглашусь с тем, что есть проблема дележа предметного поля между экономистами, политологами, специалистами сферы государственного и муниципального управления. Все они «тянут одеяло на себя» и пытаются закрепить проблематику институтов развития за собой.

Лукин А.Л.: Интересный вы момент затронули. Значит, каждый хочет приватизировать данную проблематику?

Левушкина А.О.: Особенно в этом преуспели экономисты.

Рыжова Н.П.: На мой взгляд, очень важно договориться о терминологии, методологии и теории. Я нахожусь на той позиции, которую сегодня озвучил Сергей Александрович, но я категорически против того тезиса, что экономисты очень активно выступают за институты развития, что прозвучало в речи докладчиков. Для экономистов, не преследующих конъюнктурных политических целей, это не характерно. Они очень хорошо понимают, что если где-то у кого-то прибыло, то значит, где-то у кого-то убыло. В этой связи представить, что создание институтов развития само по себе вызовет резкий экономический рост, абсолютно невозможно. Если немного отойти в сторону от экономистов и обратиться к политэкономии, то тогда можно понять, что создание территориальных свободных экономических зон и любых институтов развития может иметь неоднозначные последствия. Если где-то создаются хорошие институты, то значит в этом регионе появляются стимулы для того, чтобы туда начал перемещаться бизнес. В связи с этим увеличится

сбор налогов, тогда как в другом регионе налогов станет меньше. Следовательно, возникнут противоречия на субнациональном уровне, что может привести к конфликтам интересов уже на политическом уровне. Есть исследования, которые это подтверждают.

Если мы вернемся к собственно экономистам, т.е. к тем ученым, которые занимаются экономической теорией, теорией экономического роста, то они будут в большом недоумении, как создание институтов развития, которые являются нерыночными по своей природе, может способствовать экономическому росту. Ведь экономисты, выступающие за экономический рост, говорят, что выигрывают только те нации, которые действуют по рыночным законам. Те же нации, которые не действуют по рыночным законам, проигрывают. Кроме того, они дают объяснения, почему некоторые нации никогда не переходят к рыночным законам.

Российские институты развития (продолжаю мысль про Китай), на мой взгляд, очень сильно отличаются от китайских, потому что в Китае институты развития создавались для того, чтобы на ограниченных территориях появился рынок, т.е. были созданы условия, отличающиеся от остальной территории страны. У нас же совершенно другая история. В России в целом есть некоторые рыночные условия, хотя, конечно, их нельзя назвать идеальными рыночными. В этих условиях появляется некая территория, на которой рынок совершенно нивелируется, и каким-то образом этот нивелированный рынок должен повлиять на экономическое развитие данной территории, а через нее – на экономическое развитие страны в целом. Реалистичен ли такой подход? Это большой вопрос. Возможно, это можно просчитать через экономические эффекты, но то, что из этого что-то получится – маловероятно.

Давайте себе представим, что мы не экономисты вообще, а антропологи. Антропологи обычно не верят в благие намерения государства. Например, Всемирный банк осуществлял много различных проектов развития в Африке и Азии, и антропологи активно критиковали все эти институты развития. Особенно показательным объяснением Фергюссоном ситуации в африканской стране Лесото, в которой также были созданы институты развития. Эти институты формально преследовали цель уменьшить бедность в этой стране, но в реальности укрепляли вертикаль власти на территориях, слабо контролируемых центральным правительством.

В целом подчеркнем, что для того, чтобы рассуждать об институтах развития, нам необходимо для начала решить, на чьей позиции мы стоим. На позиции экономистов, полиэкономистов или антропологов? Далее, нам не следует задаваться вопросами, как повысить прозрачность внедрения институтов развития, или, что необходимо сделать, чтобы создать достаточную нормативную базу под эти институты, а необходимо задавать вопросы в стиле Фергюссона: Почему создаются такие условия, такие правила, которые не работают и никогда не заработают?

Иванов С.А.: На самом деле мне представляется, что есть идеализация Китая. Идеализация состоит в том, что китайцы якобы создали рынок на территориях СЭЗ. Однако, когда туда приезжаешь, то этого рынка не видишь. Мой персональный опыт показывает, что вне рыночные механизмы (например, коррупция) играют не последнюю роль. В китайской практике явно действовали иные факторы, определяющие скорость развития экономических зон, а вовсе не рассматриваемые нами институты развития. Институты развития не могли способствовать более быстрому притоку капитала (например, в г. Шеньжень). Если же говорить о приграничных городах Китая, то почему у них такое бурное экономическое развитие? Скорее всего, это не более чем успех национальной экономики, но только на границе. Свободные экономические

зоны в Китае, безусловно, являются продуктом политической воли государства, а не продуктом свободного рынка. В этой связи право на анализ феномена китайских институтов развития принадлежит не только экономистам, но и антропологам, политологам и иным интересантам.

Рыжова Н.П.: Говоря об экономистах, я имела в виду то, что если они стоят на фундаменте экономических теорий, то им очень сложно защищать правомерность высказываний и гипотез о том, что свободные экономические зоны могут положительно влиять на экономическое развитие страны в целом. По поводу Китая я исхожу из того обстоятельства, что в этой стране были созданы приморские зоны, в которых развивались институты более рыночного характера, чем во внутреннем Китае. Не нужно сравнивать Шеньжень с Фошанем, а необходимо сравнивать Шеньжень с каким-нибудь совсем закрытым, внутренним и не имеющим институтов развития районом Китая. В приграничных, приморских территориях Китая моделировались различные ситуации. Например, что будет, если произойдет повышение цен или, что будет, если придут иностранные инвестиции. Это были своего рода площадки для экономических экспериментов.

Губин А.В.: Хочу поделиться своим опытом в этом вопросе. Только что вернулся с российско-японского экономического форума, проходившего на Сахалине, где удалось поговорить с японскими коллегами, практиками. Я задавал вопросы об оценке японцами приморских территорий опережающего развития. Японцы говорили, что идея ТОРов замечательна, но просили объяснить, почему они должны идти в Приморье, а не, например, в Малайзию или в Индонезию. Представитель компании «Мицубиси», занимающийся вопросами сжиженного газа, был настроен пессимистично, и говорил, что работать в Юго-Восточной Азии проще. Помимо ТОРов в России существует множество бюрократических проблем, усложняющих перспективные проекты. Наличие большого числа ведомств в Российской Федерации затрудняет процедуру согласования проектов. Министерство Дальнего Востока выглядит посреднической организацией без должного набора компетенций, а Министерству экономики явно нет дела до конкретных российско-японских проектов. В итоге сошлись на том, что договариваться придется лично Путину и Абэ, но они же не могут работать сами по всем направлениям двустороннего сотрудничества.

Что касается транспортной, логистической инфраструктуры, предназначенной обслуживать точки роста, которые появятся в Приморье. Я не так давно, в сентябре 2015 года имел возможность путешествовать по Северо-Востоку Китая и приехал в г. Янцзи. Мне необходимо было в выходной день вернуться в Россию, но, как выяснилось, пограничный переход Краскино в воскресенье не работает. Не может российский гражданин попасть на родину в воскресенье. Было два пути. Ночевать в г. Хунчуне, или ехать в г. Суньфунхэ и переходить границу там, но это бы заняло не менее полусуток. Пропускная способность перехода в Краскино не более 10 автобусов в сутки.

Кондратенко Г.В.: Здесь говорили об антропологах, политологах, но я хочу остановиться на позиции социологов, которые также анализировали опыт строительства рыночной экономики в Китае в отдельно взятых закрытых приморских территориях. Развитие данных территорий подтолкнуло значительную массу китайского населения начать переселяться из внутренних континентальных районов страны на побережье, и в том числе в закрытые свободные экономические зоны. Мигранты пытаются искать там рабочие места, но им не хватает уровня квалификации. Тогда Китай начинает сталкиваться с другой проблемой. На востоке страны есть свободные рабочие места, но пришлые рабочие не

могут их занять. Высококвалифицированных кадров в самих свободных экономических зонах не хватает. Таким образом, наблюдается ситуация, когда институты роста сдвигают социальную структуру, приводят к диспропорциям и, в итоге, к социальным взрывам.

Лукин А.Л.: Я бы хотел обратить внимание на позитивную сторону деятельности рассматриваемых нами институтов развития. Впервые в российской истории предусмотрен безвизовый въезд на территорию. С моей точки зрения, это революционный шаг, но никто сегодня об этом не вспомнил. Никогда российское государство такого не позволяло. Мы же это сегодня сделали, и сделали во Владивостоке. Считаю, что это очень важный шаг. Это, может быть, более важно, чем привлечение инвестиций.

Хочу задать, коллеги, следующий вопрос. Можем ли мы сравнивать российские дальневосточные институты развития и китайские институты развития, или это настолько разнопорядковые феномены, что сопоставлять их мы не можем?

Рыжова Н.П.: На мой взгляд, вопрос задан очень правильно. Сравнить вообще можно, но нужно понимать, что именно мы сравниваем. Сравнить Россию и Китай нельзя, а вот сравнивать Россию и Чили, думаю, можно. База для сопоставления должна опираться на определенные критерии. Та политическая и экономическая система, которая сложилась в Чили, гораздо больше подходит для того, чтобы сопоставлять с ней те правила игры, которые вводит российское правительство. И, в этом смысле, опыт Чили – очень положительный. Чили удалось привлечь ресурсы из-за рубежа, а не только перераспределить их в рамках страны. Схожими параметрами обладают институты развития, созданные вдоль мексикано-американской границы.

Иванов С.А.: Я согласен с тем, что сравнивать Россию и Китай бессмысленно. Сравнить эффективность развития отдельно взятой свободной экономической зоны Китая, Тайваня или России с другой СЭЗ – это малопродуктивное занятие. Сравнить необходимо, прежде всего, деятельность конкретных институтов, занимающихся развитием территорий (например, привлечением инвестиций) в Китае и России. Возникнет, конечно, проблема информационной прозрачности, но ее необходимо решать.